

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468

Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации*

П.С. Сорокин, Т.А. Попова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Потаповский пер., 16, стр. 10, Москва, 101000, Россия
(e-mail: psorokin@hse.ru; tapopova@hse.ru)

Аннотация. Начиная с XIX века, когда проходило становление общества современного типа с характерными для него системами стратификации, вопрос о факторах социальной сплоченности стал актуален для теории и практики, например, с точки зрения формирования национальных государств и гражданских идентичностей, разделения труда и развития классовых и профессиональных форм солидарности [3]. В последние десятилетия наблюдается новый виток интереса к социальной сплоченности, устойчивости и «связности» в контексте обострившихся проблем деколонизации, эмансипации и неравенства, в том числе на фоне технологических изменений [35]. В условиях пандемии вопросы солидарности стали особенно актуальными: миллионы людей оказались в вынужденной социальной изоляции, а такие ключевые социальные институты, как образование, культура и здравоохранение, стремительно перестроились, практически исключив привычные форматы межличностного взаимодействия (1). Эта ситуация заставила переосмыслить права и обязанности граждан, а также формы социального контроля и информента [47]. Особенно важной для общественного благополучия стала способность граждан к инициативному действию на микроуровне (например, волонтерство) [1]. Авторы рассматривают солидарность и связанные с ней вопросы сплоченности, социальной связности и т.п. через призму современных тенденций структурной неустойчивости, или деструктуризации. В наиболее известных и влиятельных разработках микросоциологии основным предметом внимания является не столько формирование или изменение солидарности через инициативное индивидуальное и групповое действие, сколько ее воспроизводство. Исследования, развивающие традиции структурного анализа с макросоциологических позиций, также оставляют без внимания формирование солидарности «снизу». Авторы уделяют особое внимание теориям П.А. Сорокина и М. Арчер, которые считают индивида способным к обеспечению солидарности вопреки институциональному давлению. В статье обозначены два основных подхода к изучению солидарности — рационалистический и структурный, которые по-новому интерпретируют и развивают идеи Э. Дюркгейма и Ф. Хайека, отмечены и другие разработки на стыке с философией и психологией, которые отчасти близки идеям Арчер и Сорокина. Авторы обосновывают необходимость более глубокого изучения возможностей солидарно-ориентированного индивидуального трансформирующего действия по отношению к структуре.

Ключевые слова: солидарность; социальная сплоченность; социальные институты; деструктуризация; трансформирующая агентность; структура-действие; Питирим Сорокин

* © Сорокин П.С., Попова Т.А., 2021

Статья поступила в редакцию 12.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

В социальных науках отсутствует устоявшийся подход к определению солидарности, и зачастую это понятие заменяется такими терминами, как консенсус, сплоченность, согласие, интеграция и т.д. [2]. Для социологии проблематика социальной сплоченности (и солидарности) традиционно связана с вопросом о том, как соотносятся, с одной стороны, «естественные» закономерности развития социальных структур и институтов, а, с другой стороны, сознательные целенаправленные усилия индивидов [13; 46]. Сплоченность принято рассматривать как следствие структурных условий, которые определенным образом направляют «действие» на микроуровне [24; 34; 39], поскольку в общей социологической теории структурам, как правило, уделяется больше внимания, чем действию [13; 46].

Тем не менее, в микросоциологии (символический интеракционизм, феноменологический подход, этнометодология и др.) предпринимались попытки обосновать роль процессов «снизу» в формировании социальной реальности. Так, представители символического интеракционизма показывали, как трансформация социального смысла в ходе его интерпретации на микроуровне ведет к преобразованию социальной среды [9]. Для последователей феноменологического подхода решающим понятием стали «типификации» — обобщенные представления о совершении действия в том или ином контексте: с опорой на них акторы выстраивают динамические поведенческие стратегии [19]. Этнометодологическая школа утверждает, что общественный порядок обеспечивается за счет само собой разумеющихся микроуровневых практик, характерных для того или иного контекста [19]. Для драматургического подхода взаимодействие людей базируется на принципе создания социально желательного (идеализированного) впечатления [12; 19]. Согласно теории ритуала интеракции выработанная участниками взаимодействий эмоциональная энергия провоцирует развитие социальных структур, но при этом и сама задается последними [11].

Для доминирующих разработок в микросоциологии характерно признание решающего значения структур, которые задают направление формированию личности и ее поведенческих стратегий на микроуровне [28]. Отказ от макросоциального, структурного измерения при рассмотрении микросоциологической проблематики признан нецелесообразным [22; 19]. Встречаются даже утверждения о бесполезности поисков микрооснований социальной жизни, поскольку она обусловлена макроинституциональными условиями [37].

Между тем тренды последних десятилетий свидетельствуют о росте волатильности (или, как минимум, изменчивости) структур и институтов. В частности, снижается легитимность традиционных для XX века форм социальной организации (корпораций, государства) [36], формируется «текущее общество» [18]. Пандемия covid-19 показала, что и без привычных форм социальной организации и институционального принуждения сохраняется принципиальная способность к эффективному действию на микроуровне, в

том числе направленному на коллективное благополучие (например, волонтерство). Но при этом возникают и угрозы «социальных разрывов» [23]: например, далеко не все учащиеся, переведенные на дистанционный формат обучения, смогли выстроить эффективное взаимодействие с преподавателями и другими учащимися, решать учебные задачи, многим не хватило навыков мотивации и самоорганизации [10]; аналогичные проблемы наблюдались в трудовой сфере — переход на удаленную работу породил трудности в сфере кооперации (1). Среди ключевых глобальных рисков, выделенных экспертами Всемирного экономического форума, особое место занимают риски «социетального характера», включая «эрозию социальной сплоченности» и «разочарование молодежи» (1).

В современной социологии дискурс о социальной сплоченности (и солидарности) занимает второстепенные позиции по отношению к таким доминантам, как неравенства и дискриминации [8; 29]. Ниже представлена хронология развития дискурса о солидарности в социологии (и социальных науках) с XIX века до наших дней. Мы постараемся показать, что ранние концепции солидарности, а также ряд более современных разработок могут иметь особую теоретическую и практическую значимость для понимания факторов социальной сплоченности, связанных с проактивным индивидуальным действием.

«Большие теории» солидарности: от Э. Дюркгейма до М. Арчер

Э. Дюркгейм, продолжая традицию О. Конта и К. Маркса, активно разрабатывал понятие солидарности, трактуя ее как ситуацию, когда индивиды следуют требованиям социальных структур [7]. Иной подход был предложен Ф. Хайеком, который выделяет два типа обществ [15]: «общество солидарности» — это, как правило, малая группа, где индивиды преследуют общие цели; «общество правил» — большая группа, более характерная для современности, где индивиды не имеют непосредственного контакта и зачастую преследуют разные цели. Согласно Хайеку, для эффективного развития общества, состоящего из эгоистически настроенных индивидов, необходимы правила, которые позволяют максимизировать совокупную полезность [3; 15].

Несмотря на различия в трактовке солидарности Дюркгеймом и Хайеком, их объединяет представление, что гарант социальной устойчивости в обществе модерного типа — четкая система правил, навязываемая индивидам «сверху», через систему институционализированного социального контроля. Достаточность такого подхода для реалий XXI века вызывает сомнения, особенно в ситуации неустойчивых социальных структур. Альтернативный взгляд на проблемы солидарности предложил П.А. Сорокин, работы которого в последние годы привлекли исследователей альтруизма и солидарности [3; 43]. Сорокин акцентирует практическую проблему — опасность эгоистической модели поведения и системы институциональной дифференциации, построенной на принципах конкуренции, как основ социального порядка. Для Сорокина противоположность солидарности, в отличие от Дюркгейма, не

атомизация и, в отличие от Хайека, не формальная правовая регуляция, но конфликт, разложение [42]. Если Дюркгейм и Хайек работали в монодисциплинарном поле, то Сорокин признавал за социологией интегральную функцию по отношению к другим наукам [5; 40; 45]. Он предложил учитывать не только правила, институты и структуры, но и самого человека во всем многообразии его проявлений, включая и индивидуально-психологические. Сорокин задал направление исследованиям солидарности в социальных науках — как основанным на изучении не паталогических процессов, а позитивных аспектов общественного развития, таких как альтруизм и любовь [14].

Актуальность подхода Сорокина состоит в том, что центральная роль в формировании солидарности отводится индивиду и его действию, происходящему не только благодаря, но и вопреки институциональным предписаниям [41; 44; 43]. Среди факторов этой прогрессивной динамики Сорокин особенно выделяет «интегральных лидеров» (например, М. Ганди и М.Л. Кинг), которые действуют в принципиальном противоречии с доминирующей институциональной логикой [6]. Вместо разделения людей на противоборствующие лагеря (по национальному или политическому признаку) они создают новые формы «социальной связности» и новые идентичности, основанные не на конфликте, а на единстве всех членов общества независимо от структурно-институциональной принадлежности [42; 45].

Тенденции XXI века свидетельствуют об углублении того глобального кризиса, о котором писал Сорокин в середине XX века, о приобретении им новых качеств [14; 43]. Прежде всего, это снижение темпов роста производительности при сохранении «чувственной культуры» (по Сорокину) в качестве доминирующей, что сочетается не просто со снижением доверия к существующим структурам и институтам, но с объективным снижением их регулирующего воздействия на индивида [13]. В результате механизмы солидарности, трансформирующие социальную реальность в логике «снизу-вверх», т.е. инициативными усилиями индивидов, могут оказаться особенно важными для преодоления кризиса.

Дополняет подход Сорокина концепция М. Арчер, основанная на понятии рефлексии как промежуточном звене между индивидом и обществом и главным детерминанте человеческих действий [16]. Типология из четырех видов рефлексии, разработанная Арчер, показывает, как механизмы солидарности работают на практике и каким угрозам подвергаются в современном мире [17]. Арчер выдвигает тезис о формирующемся «морфогенетическом обществе», который подчеркивает изменчивость структурных форм и расширение пространства «допустимых» вариаций индивидуального действия [17]. По мере трансформации общества в морфогенетическое происходит контекстуальный разрыв, подрывающий основы солидарности — ей на смену приходят возрастающие риски отчуждения, одиночества и неопределенности [16. С. 317].

Таким образом, подходы Сорокина и Арчер объединяет критика структурно-ориентированного подхода, игнорирующего роль индивидуального

действия в формировании солидарности и социальной сплоченности. Сорokin ставит проблему солидарности в центр своей теории, а Арчер рассматривает ее скорее косвенно, но обосновывает ее остроту становлением особого типа общества — морфогенетического, где структуры более не являются надежным ориентиром и опорой действия. В теоретических моделях Сорokinа и Арчер прослеживается идея важности индивидуальной способности к солидарному действию, не детерминированному общественными структурами в дюркгеймовском смысле.

Солидарность с позиций теории рационального действия

Как показал анализ зарубежной литературы, опубликованной с 1990 по 2020 годы в изданиях Scopus и Web of Science и отобранной по ключевым словам «social solidarity», «social cohesion» и «social integrity», сегодня сложилось два направления в изучении солидарности: структурный подход (формирование солидарности в логике «сверху-вниз» — под воздействием общепринятых норм и связанных с ними социальных структур и институтов) и рациональный подход (опирающийся на теории рационального действия и социального обмена с фокусом на микроуровне), что соответствует обозначенной выше типологии стратегий изучения солидарности [3]. Также были выделены подходы, анализирующие солидарность на микроуровне, но выходящие за пределы как теории рационального действия, так и модели структурного детерминирования.

Сторонники подхода рационального выбора используют теории социального обмена и теории игр [26; 38; 48], изображая индивида как рационального актора, ориентированного на получение выгоды, т.е. сотрудничество будет иметь место, если все стороны смогут извлечь пользу в конкретном институциональном контексте. Идеи представителей данного течения соответствуют разработкам Хайека [15] и могут рассматриваться как продолжение концепций более ранних авторов, в частности, Л. Буржуа, писавшего об ответной обязанности каждого члена сообщества в обмен на пользование социальными благами [3]. Д. Хэкторн считает, что сила групповой солидарности определяется долей социального поведения, продиктованного групповыми нормами [26]: солидарность будет достигнута при соблюдении оптимального баланса контроля в группе — это равновесие между «регуляторными интересами» (преференции социальных акторов относительно поведения других, которые поощряют создание и укрепление социальных обязательств) и «личными склонностями» (преференции социальных акторов относительно собственного поведения, при этом вероятность нарушения норм определяется альтернативными издержками) [26].

Солидарность исследовалась и с помощью экспериментов на основе теории социального обмена [38]: оказалось, что системы «генерализированного (непрямого) обмена» более долговечны и крепки, чем системы «прямого обмена», однако создать их сложнее [38], т.е., помимо рациональных

компонентов, в основе человеческого поведения лежит нечто большее, что способствует формированию солидарности.

В то же время ряд авторов проводят принципиальное различие между отношениями солидарности и социальным обменом. Они утверждают, что для применения теории социального обмена участникам взаимодействия необходима информация о том, кто именно совершает полезное действие по отношению к человеку/группе, а понятие солидарности, напротив, предполагает достижение целей группы как собственных и стремление удовлетворить потребности другого без внешнего «вознаграждения» [48]. Таким образом, социальный обмен требует наличия контроля со стороны группы, в то время как концепция солидарности этого не предполагает [48].

Часть представителей «рационалистического» подхода понимают солидарность как, по сути, форму рационального действия, связанную с осознаваемыми эгоистическими интересами. Соответственно они считают, что солидарные группы и общности порождаются индивидуальными действиями, а не структурным давлением «сверху», хотя подчеркивают важность «правил игры», соблюдение которых обеспечивается системой санкций. Например, солидарность предполагает особые обязательства членов группы — «совершать такие действия друг для друга, которые бы они не совершили для членов других групп» [24. С. 113]. Другой подход — жесткое разделение «солидарного» действия и «рационального»: первое — неэгоистическое, подвижное принадлежностью к группе (данная позиция близка «структурно-ориентированным» подходам, рассмотренным ниже). Недостаточность «рационалистического» объяснения солидарности подтверждается введением в конструкции «рационального действия» и «обмена» иных факторов, определяющих солидарно-ориентированное поведение человека, чем привычное для экономической теории эгоистическое поведение атомизированных индивидов [38].

«Структуралистские» концепции солидарности

В рамках более традиционной для социологии структуралистской интерпретации подходы к солидарности также многочисленны и многогранны. Солидарность означает прямую зависимость благосостояния одного человека или группы от благосостояния всей общности [31], т.е. в дихотомии «структура — действие» структура является доминирующей силой, образующей солидарность. Идентификация себя с другим человеком или группой становится институционально оформленной нормой, следуя которой человек принимает во внимание желания и потребности других людей при формировании своих поведенческих стратегий.

Здесь солидарность — это, прежде всего, проявление внешнего структурного давления, хотя она и требует определенных усилий на индивидуальном уровне, в частности, эмпатии [34]. Согласно З. Линденбергу будет человек действовать согласно принципам солидарности с группой или исходя из собственных «эгоистических» желаний зависит от «наблюдательной

способности», т.е. умения взглянуть на ситуацию с различных ракурсов, которые меняются в зависимости от структуры заданной группы [33]. Несмотря на, казалось бы, индивидуальную природу эмоций, они находятся в неразрывной связи со структурными элементами группы, в числе которых групповые цели и нормы [39].

Иные концепции солидарности

В условиях деструктуризации [13], усилившейся с пандемией, особое значение обретают концепции, отдающие приоритет в созидании солидарности индивиду, его инициативному действию. С одной стороны, предлагается отойти от привычного для социологии структурного подхода и перенять методики и теории из нейропсихологии и других когнитивных и поведенческих наук — для изучения солидарности и альтруизма (их ядро — микроуровневые процессы) [21; 27]. С другой стороны, представители философской науки [49] предлагают уйти от понимания солидарности как обязанности по отношению к другим и рассматривать ее с позиции универсального принятия других, т.е. как фундаментальную форму морального признания, фундированную в человеке, а не в группе [24]. Универсальность солидарности проявляется в том, что она направлена не на члена группы, а на человека в целом: солидарность — «универсальная моральная ценность, которая является основой моральной агентности» [49. С. 259].

Оригинальный подход к солидарности предложили представители нового институционализма: Н. Флигстин и Д. МакАдам разработали теорию полей стратегического действия [25], согласно которой действие на микроуровне поддерживается за счет фундаментальной потребности в принадлежности к группе, представляющей собой «экзистенциальную функцию социального» [30. С. 10]. В социальной жизни человек использует социальные навыки — когнитивные способности «читать» людей и обстановку, выстраивать стратегические линии действия и мобилизовывать других [25]. Позиция Флигстина и МакАдама отчасти схожа с концепцией Сорокина, поскольку предполагает базовую потребность человека в солидарности, но все же основной акцент они делают на действиях рационального характера в борьбе за власть. Иными словами, солидарность — это основа социального порядка, но не главное содержание социальной жизни, которая определяется в большей степени конкуренцией за властные позиции.

Таким образом, подходы рационального выбора и структурной детерминации, составляющие значимую часть современного мейнстрима в обсуждении вопросов солидарности, уделяют недостаточное внимание проактивной созидательной способности индивида — формировать и поддерживать устойчивые солидарные связи.

С учетом роста изменчивости структурного контекста современных обществ можно предположить, что рассмотренные выше два доминирующих

подхода недостаточны для объяснения механизмов солидарности в XXI веке. С одной стороны, обостряется «проблема безбилетника»: даже высокий уровень взаимозависимости не означает, что рациональные акторы будут действовать в интересах друг друга [26]. С другой стороны, в условиях волатильности структур и институтов стабильные солидарные связи (устойчивые отношения взаимопомощи или индивидуальный альтруизм) не могут сформироваться только через «структурную логику» (препятствие для теоретического обоснования механизмов солидарности последователями Дюркгейма). Опираясь на идеи Сорокина, можно дополнить подходы «рационального выбора» и «структурной детерминации» гипотезой, что солидарность проистекает из особого типа потребностей на микроуровне и из ценностной динамики на макроуровне, определяемой иными механизмами, чем структурное «принуждение» в дюркгеймовском смысле [41–44].

На этом фоне особую актуальность обретают несколько направлений, находящихся на периферии исследований солидарности: нейропсихологическое течение, использующее методы и теории когнитивных наук в поиске «объективных», физиологических микрооснований альтруизма, морали и сплоченности [27]; философское течение, рассматривающее «силу солидарности» как объективный универсальный феномен, характерный для природы человека [49]; социологический новый институционализм, утверждающий принципиальную роль агентности в формировании социальных полей и признающий «экзистенциальный» (а не только инструментальный) характер социальной сплоченности [25; 30].

Хотя современные подходы близки идеям Сорокина, можно выделить несколько их существенных ограничений. Во-первых, идея Сорокина о микроуровневых основаниях солидарности опирается на осознанные потребности человека, в то время как большинство современных авторов трактует эти основания как неосознаваемые нейрофизиологические механизмы (за исключением ряда представителей нового институционализма [21]). Во-вторых, у Сорокина развитие солидарности на макроуровне является частью широкой социально-культурной динамики, перехода между культурными суперсистемами, а описанные подходы не рассматривают феномен солидарности в такой динамичной глобальной перспективе [45].

Таким образом, солидарность (точнее «способность к солидарности») может быть рассмотрена как атрибут индивидуального действия. Фокус на индивидуальном субъекте как носителе не только интернализированных «признаков» солидарности с определенными группами, но и «способности» к ее проактивному формированию принципиально важен в условиях снижения устойчивости социальных структур и институтов [13]. В этих условиях не вполне адекватным выглядит представление, что «чем больше и сложнее общество, тем большее значение в нем имеют абстрактные, общие правила и тем меньшее — солидарность, и наоборот» [2. С. 33]. Как показывает, в частности, опыт глобальной пандемии, современное общество уже настолько большое и сложное, что регуляция его жизни лишь через внешние правила

все более затруднительна — особенности разнообразных групп требуют разных форм нормативной регламентации, что порождает постоянное напряжение и споры о легитимности [36; 37]. Кроме того, в условиях деструктуризации снижается и эффективность институционального принуждения [13]. На фоне глобальной пандемии проблемы социальной солидарности, связности, сплоченности и т.п. будут продвигаться в центр академической и практической повестки. Для ответа на этот вызов социологические концепции солидарности имеют убедительный потенциал, особенно поли- и междисциплинарные разработки, фокусирующиеся на роли проактивного индивидуального действия в формировании солидарности в логике «снизу-вверх».

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Примечание

- (1) The Global Risks Report 2021 // URL: <https://www.qbusiness.pl/uploads/Raporty/globalrisk2021.pdf>.

Библиографический список / References

- [1] *Авксентьев Н.А. и др.* Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с covid-19 в России. М., 2020 / Avksentiev N.A. *Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki borby s covid-19 v Rossii*. [Society and Pandemic: Experience and Lessons from covid-19 Fighting in Russia]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [2] *Гофман А.Б.* Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11 / Gofman A.B. *Kontseptualnye podhody k analizu sotsialnogo edinstva* [Conceptual approaches to the analysis of social unity]. *Sociological Studies*. 2015; 11. (In Russ.).
- [3] *Гофман А.Б.* Традиция, солидарность и социологическая теория. М., 2015 / Gofman A.B. *Traditsiya, solidarnost i sotsiologicheskaya teoriya* [Tradition, Solidarity and Sociological Theory]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [4] *Девиатко И.Ф.* Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного // Социологические исследования. 2016. № 12 / Deviatko I.F. *Sotsialnye normy: ot popytok opredeleniya k novym tipam teoreticheskikh voprosov i teorij normativnogo* [Social norms: From attempts of definition to new theoretical questions and theories of normativity]. *Sociological Studies*. 2016; 12. (In Russ.).
- [5] *Джеффрис В.* Интегрализм П.А. Сорокина: новая общественная наука и реконструкция человечества // Социологические исследования. 1999. № 11 / Jeffries V. *Integralizm P.A. Sorokina: novaya obshchestvennaya nauka i rekonstruktsiya chelovechestva* [P.A. Sorokin's integralism: New public science and reconstruction of humanity]. *Sociological Studies*. 1999; 11. (In Russ.).
- [6] *Долгов А.Ю.* Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2014. № 9 / Dolgov A.Y. *Istoriko-metodologicheskaya rekonstruktsiya teorii sozidatel'nogo altruizma Pitirima Sorokina* [A historical-methodological reconstruction of Pitirim Sorokin's theory of creative altruism]. *Sociological Studies*. 2014; 9. (In Russ.).
- [7] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М., 1991 / Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. [On the Division of Labor. Sociological Method]. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [8] *Ефременко Д.В.* Многоликая солидарность // Социологический ежегодник. М., 2011 / Efremenko D.V. *Mnogolikaya solidarnost* [Multifaced solidarity]. *Sociological Yearbook*. М; 2011. (In Russ.).

- [9] Кармадонов О.А. Откровения и парадоксы символического интеракционизма // Социологические исследования. 2006. № 2 / Karmadonov O.A. Otkroveniya i paradoksy simvolicheskogo interaktsionizma [Revelations and paradoxes of symbolic interactionism]. *Sociological Studies*. 2006; 2. (In Russ.).
- [10] Клягин А.В. и др. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии, 2020 / Klyagin A.V et al. Shtorm pervykh nedel: kak vysshee obrazovanie shagnulo v realnost' pandemii. [Storm of the first weeks: How the higher education stepped into the pandemic reality]. 2020. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/368821814>. (In Russ.).
- [11] Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1 / Collins R. Programma teorii rituala interaktsii. [Interaction ritual chains]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004; 7 (1). (In Russ.).
- [12] Подвойский Д.Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. №. 4 / Podvoyskiy D.G., Soleimani S. Ponyatie sotsialnoj identichnosti: osnovnye issledovatel'skie podhody [The concept of social identity: Basic research approaches]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
- [13] Сорокин П.С., Фруммин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. Т. 7. № 7 / Sorokin P.S., Froumin I.D. Problema “struktura/dejstvie” v XXI v.: izmeneniya v sotsialnoj realnosti i vyvody dlya issledovatel'skoj povestki [“Structure-agency” problem in the 21st century: Social development and research implications]. *Sociological Studies*. 2020; 7 (7). (In Russ.).
- [14] Тирьякян Э.А. Осовременивание Сорокина // Социологические исследования. 2016. № 3 / Tiryakian E.A. Osovremenivanie Sorokina [Updating Sorokin]. *Sociological Studies*. 2016; 3. (In Russ.).
- [15] Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006 / Hayek F.A. *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy]. Moscow; 2006. (In Russ.).
- [16] Archer M.S. *Making our Way through the World*. Cambridge University Press; 2007.
- [17] Archer M.S. Introduction: ‘Stability’ or ‘stabilization’ – on which would morphogenic society depend? *Late Modernity*. Cham; 2014.
- [18] Bauman Z. *Liquid Modernity*. John Wiley & Sons; 2013.
- [19] Benzecry C.E., Winchester D. Varieties of microsociology. *Social Theory Now*. University of Chicago Press; 2017.
- [20] Boli J., Ramirez F.O., Meyer J.W. Explaining the origins and expansion of mass education. *Comparative Education Review*. 1985; 29 (2).
- [21] Bykov A. Altruism: New perspectives of research on a classical theme in sociology of morality. *Current Sociology*. 2017; 65 (6).
- [22] Collins R. On the microfoundations of macrosociology. *American Journal of Sociology*. 1981; 86 (5).
- [23] Collins R. Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity. *American Journal of Cultural Sociology*. 2020; 8.
- [24] Derpmann S. Solidarity, moral recognition, and communality. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [25] Fligstein N., McAdam D. Toward a theory of strategic action fields. *Sociological Theory*. 2011; 29 (1).
- [26] Heckathorn D.D. Extensions of the prisoner’s dilemma paradigm: The altruist’s dilemma and group solidarity. *Sociological Theory*. 1991; 9 (1).
- [27] Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality. *Annual Review of Sociology*. 2013; 39.
- [28] Hunt S.A., Benford R.D. Collective identity, solidarity, and commitment. *Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing; 2004.
- [29] Jeffries V. et al. Altruism and social solidarity: Envisioning a field of specialization. *American Sociologist*. 2006; 37 (3).

- [30] Kluttz D.N., Fligstein N. Varieties of sociological field theory. *Handbook of Contemporary Sociological Theory*. Cham; 2016.
- [31] Koster F., de Beer P. *Sticking Together or Falling apart? Solidarity in an Era of Individualization and Globalization*. Amsterdam University Press; 2009.
- [32] Krotov P. Pitirim Sorokin's heritage: From core ideas to syntheses of theory and of practice. *Palgrave Handbook of Altruism, Morality, and Social Solidarity*. New York; 2014.
- [33] Laitinen A., Pessi A.B. Solidarity: Theory and practice. An introduction. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [34] Lindenberg S. Solidarity: unpacking the social brain. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [35] Ling R. *New Tech, New Ties: How Mobile Communication is Reshaping Social Cohesion*. The MIT Press; 2010.
- [36] Meyer J.W. World society, institutional theories, and the actor. *Annual Review of Sociology*. 2010; 36.
- [37] Meyer J.W. The social construction of the 'micro-social'. *Microfoundations of Institutions*. Emerald Publishing Limited; 2019.
- [38] Molm L.D., Collett J.L., Schaefer D.R. Building solidarity through generalized exchange: A theory of reciprocity. *American Journal of Sociology*. 2007; 113 (1).
- [39] Salmela M. Collective emotions as 'the glue' of group solidarity. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [40] Sorokin P. Vision and mission of sociology: Learning from the Russian historical experience. *American Sociologist*. 2017; 48 (2).
- [41] Sorokin P.A. *The Reconstruction of Humanity*. Boston; 1948.
- [42] Sorokin P.A. *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia; 2002.
- [43] Sorokin P.S. The Russian sociological tradition from the 19th century until the present: Key features and possible value for current discussions. *American Sociologist*. 2015; 46 (3).
- [44] Sorokin P.S. The ethical challenge for sociology in the face of global modernity: Toward solidarity-oriented and ethically contextualized practice. *American Sociologist*. 2018; 49 (3).
- [45] Sorokin P.S. The promise of John W. Meyer's world society theory: 'Otherhood' through the prism of Pitirim A. Sorokin's integralism. *American Sociologist*. 2020; 51 (4).
- [46] Sorokin P.S. 'Transformative agency' as an object of sociological analysis: Contemporary discussions and the role of education. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
- [47] Triandafyllidou A. Commentary: Spaces of solidarity and spaces of exception at the times of covid-19. *International Migration*. 2020; 58 (3).
- [48] Widegren Ö. Social solidarity and social exchange. *Sociology*. 1997; 31 (4).
- [49] Wiggins D. Solidarity and the root of the ethical. *Tijdschrift voor Filosofie*. 2009; 71.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468

Classical and contemporary approaches to the study of solidarity: Challenges and perspectives under destructuretion*

P.S. Sorokin, T.A. Popova

National Research University Higher School of Economics
Potapovsky Per., 16–10, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: psorokin@hse.ru; tapopova@hse.ru)

Abstract. Since the 19th century, when the development of the 'modern society' accelerated, social cohesion factors have become relevant for theory and practice. Such issues as the national

* © P.S. Sorokin, T.A. Popova, 2021

The article was submitted on 12.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

states' development and emerging political parties, the division of labor and class and professional forms of solidarity have formed the agenda of both academic and policymaking debates. In recent decades, there has been another round of interest in the study of social cohesion and sustainability under de-colonization, emancipation, inequality and technological changes. Under the global pandemic, the issue of solidarity has become particularly acute. The covid-19 has created a new reality: millions of people live in the forced social isolation, and such key social institutions as education, culture and healthcare have been reconstructed with the usual forms of interpersonal interaction eliminated. This situation requires rethinking the rights and obligations of individuals together with the forms of appropriate social control and regulation. For instance, the ability of individuals to take initiative at the micro-level (like volunteer projects) turned out to be especially important for the public well-being. The authors consider the research on solidarity in social sciences taking into account the current trends of structural instability or 'destruction'. The authors analyze both classical theories of solidarity and contemporary related concepts to prove that microsociology focuses primarily on the reproduction of social structures rather than on their transformation by proactive individual or group agency. Moreover, the tradition of structural macro-analysis also ignores the formation of solidarity at the micro-level. The authors refer to the works of P.A. Sorokin and M. Archer who consider individuals as capable of proactive formation of solidarity. In contemporary studies, the authors identify two main approaches to the analysis of solidarity — rational and structure-determined, and analyze other prospective approaches developing at the intersection of philosophy and psychology. The authors conclude by suggesting some directions in the study of the solidarity-oriented individual action and its impact on societal development.

Key words: solidarity; social cohesion; social institutions; deconstruction; transformative agency; structure-action; Pitirim Sorokin

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).